

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016. [N. R. Dobrushina. *Soslagatel'noje naklonenije v russkom jazyke: opyt issledovanija grammatičeskoj semantiki* [Subjunctive mood in Russian: A study of grammatical semantics]. Praha: Animedia Company, 2016.]. ISBN 978-80-7499-231-5.

Елена Михайловна Коницкая

Elena M. Konitskaya

Вильнюсский университет, Вильнюс, LT-01513, Литва; jelkon@gmail.com

Vilnius University, Vilnius, LT-01513, Lithuania; jelkon@gmail.com

Исследование, выполненное в рамках проекта РГНФ № 14-04-00264а (2014—2016), представляет собой комплексный анализ семантики одной из категорий русского глагола — сослагательного наклонения — в письменных текстах. Основная цель работы, заключающаяся, по словам автора, в объяснении, «чем мотивируется употребление сослагательного наклонения в каждом типе контекстов, где оно встречается» (с. 3), достигается в обширной монографии путем последовательного детального описания разнообразных типов употребления сослагательного наклонения. Исследование проведено преимущественно с опорой на данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (с 1970 г.), в отдельных случаях также используются данные других подкорпусов (в частности, устного подкорпуса) или же привлекается материал текстов XIX в. для дополнительного диахронического исследования. Важной составляющей частью работы являются таксонометрические данные, полученные с применением выверенной методики. Обилие количественных данных, как правило организованных в таблицы, графики, схемы, убедительно иллюстрирующих рассматриваемые явления и наблюдения автора, составляет одну из привлекательных сторон монографии.

Исследование контекстов употребления глагольной категории предваряется анализом терминов, формы и основной семантики сослагательного наклонения, а также описанием материала и структуры работы (Часть I, Введение, с. 3—20). Рассмотрев существующие термины для определения наклонений, выражающих ирреальные значения в языках мира (субъюнктив, кондиционалис, конъюнктив, ирреалис и др.), Н. Р. Добрушина останавливается на традиционном для русской грамматики термине — **сослагательное наклонение**, оставляя, однако, термин **условное наклонение** для глагольных форм, маркирующих придаточные предложения в условных конструкциях.

В отношении формы устанавливается типологическая распространенность в ирреальных наклонениях граммемы прошедшего времени, в связи с чем входящая в состав сослагательного наклонения глагольная форма определяется в исследовании как форма прошедшего времени. Менее частотными являются сочетания частицы *бы* (*б*) с инфинитивом, предикативом, существительным и другими неглагольными единицами. Отмечая разногласия ученых в отнесении разного типа конструкций с *бы* (*б*) к сослагательному наклонению, Н. Р. Добрушина выстраивает иерархию анализируемых конструкций с точки зрения их близости к прототипическому сослагательному наклонению, в качестве которого выступает сочетание частицы с прошедшим временем (с. 6), и определяет предмет исследования — любые сочетания частицы *бы* (*б*) с вышеперечисленными единицами (с. 10). Распределение конструкций с частицей *бы* (*б*) по частотности задает структуру второй части исследования «Семантика сослагательного наклонения в независимых конструкциях» (с. 29—159).

Важным принципом в работе является различие между независимыми и подчиненными употреблениями сослагательного наклонения. Раздельное описание сослагательного наклонения в независимых конструкциях и в придаточных предложениях обосновывается, помимо формальных критериев, также тем, что в подчиненных предикациях (придаточных предложениях разных типов: условном, условно-уступительном, дополнительном, относительном и др.) семантика предиката может быть обусловлена различными внешними факторами: характером отношений между главным и зависимым предложениями, значением матричного предиката, референциальным статусом существительного, к которому относится относительное придаточное, и т. д., и поэтому должна описываться иначе, нежели семантика предиката независимого предложения (с. 11). Описание подчиненных употреблений, по мысли автора, предполагает следующее: отделение семантических употреблений от синтаксических, создание исчерпывающего описания условий синтаксического употребления сослагательного наклонения, сопоставление подчиненных контекстов с независимыми (с. 11; см. реализацию этих задач в третьей части работы «Сослагательное наклонение в подчиненных конструкциях», с. 161—391).

Полагая ирреальность общим семантическим компонентом для большинства контекстов употребления сослагательного наклонения, Н. Р. Добрушина предлагает воспользоваться моделью, в которой ирреальные значения располагаются на шкале от наиболее ирреальных (**контрфактивных**, то есть таких, которые, с точки зрения говорящего, не имели и не будут иметь места в действительности) к наиболее реальным: несмотря на то, что для обозначения реальных ситуаций обычно используются формы индикатива, в ограниченном типе контекстов возможно использование сослагательного наклонения, синонимичного индикативу, — это **диалогические реальные употребления** сослагательного наклонения, которые можно считать метафорическими (с. 14). Промежуточное положение на шкале занимает **гипотетическое значение**, совмещенное с выражением желания говорящего. Центральное значение русского сослагательного наклонения — контрфактивное. Подчиненные предикации либо не отличаются от главных, либо обусловлены особенностями главного предложения, что делает (ир)реальный статус подчиненной ситуации зависимым от главного предложения или же от типа семантической связи главного предложения с придаточным (с. 15). В соответствии со сказанным в монографии определяется набор контекстов употребления сослагательного наклонения, составляющих два больших блока: 1) независимые конструкции (в том числе главная часть условного предложения); 2) зависимые конструкции (разные типы придаточных предложений: условные, целевые, заместительные, дополнительные, ирреального следствия, причинные, условно-уступительные, относительные) (с. 16—17).

Прежде чем перейти к рассмотрению перечисленных контекстов, Н. Р. Добрушина детально анализирует употребление полного и сокращенного вариантов частицы сослагательного наклонения (*бы* и *б*) в разных фонетических контекстах, в составе разных сочетаний (*когда б(ы)*, *если б(ы)*, *чтоб(ы)* и т. д.), в различных типах конструкций и стилях речи, приходя к выводу, что дистрибуция вариантов, а также значительно более высокая частотность полной формы в современной письменной речи, резко расходящаяся с данными XIX в. (с. 21—22), не является следствием принципиальных различий между ними с функциональной точки зрения (с. 27).

Помимо частицы *бы* (*б*), носителями сослагательного наклонения выступают также такие частотные сочетания, как *если бы*, *хоть бы*, *лишь бы*, *еще бы*, *вот бы* и др., подробно представленные в третьей части исследования, посвященной употреблению сослагательного наклонения в подчиненных конструкциях. Отдельно анализируется союз *чтобы*, который по основному критерию — дистрибуции форм — содержит частицу сослагательного наклонения (с. 322 и далее). Следует отметить корректность исключения из анализа (прежде всего на основании дистрибуции форм) частотных сочетаний с частицей *бы* (*б*), не имеющих значения сослагательного наклонения, к которым относятся, в частности, сочетания *как бы*, *будто бы*, *вроде бы* (с. 7).

Переходя во второй части исследования к анализу употреблений сослагательного наклонения в независимых конструкциях, Н. Р. Добрушина отмечает их довольно высокую частотность: вопреки распространенным представлениям о преимущественном использовании сослагательного наклонения в подчиненных предикациях, по корпусным данным на главную предикацию приходится около 40 % контекстов употреблений частицы *бы* (*б*) в зависимых и независимых предикациях во всех сочетаниях (с. 29). Подавляющее число независимых употреблений отводится конструкциям с формой прошедшего времени, составляющим 92 % всех типов сочетаний с сослагательным наклонением как в независимых, так и в зависимых клаузах, ср. данные по другим типам конструкций: 4 % — инфинитивные, 2 % — предикативные, 2 % — прочие (с. 31).

Центральное место в исследовании семантики независимых употреблений сослагательного наклонения с прошедшим временем (с. 32—75) занимает детальное рассмотрение трех разных типов употреблений, выделяемых автором с точки зрения значения и распределяемых по шкале (ир)реальности: *повествовательные*, *диалогические реальные* и *диалогические желательные*. Повествовательные употребления связаны с необходимостью выразить ирреальность ситуации (контрфактивность), причем сослагательное наклонение может быть употреблено повествовательно в любом типе дискурса (в диалоге, нарративе) и в любом типе предикации (в главной или в подчиненной), тогда как диалогические употребления ограничены так называемой канонической речевой ситуацией, предполагающей наличие говорящего и слушающего в контексте сообщения, и для таких употреблений выделяются два типа значений: **диалогические реальные**, использующиеся для модификации коммуникативной цели — ее смягчения, и **диалогические желательные**, которые служат для выражения желания говорящего (с. 33—34).

Хотя в повествовательных контекстах сослагательное наклонение с прошедшим временем, как правило, обозначает контрфактивную пропозицию, возможны редкие контексты, где «ситуация является открытой и может быть реализована» — в том случае, если она относится к будущему (с. 35). Контексты употребления сослагательного наклонения при этом обычно содержат указание либо на условия, при которых эта ситуация могла бы иметь место, либо на препятствие, в силу которого она невозможна. Условие может быть выражено разными способами: конструкцией с предлогом *без*, наречием *иначе*, союзом *но*, сравнением, прилагательным *другой* и др., может также содержаться в более широком контексте (с. 36—37).

В диалогических реальных употреблениях форма сослагательного наклонения может меняться индикативом без ущерба для смысла предложения, однако с нарушением коммуникативной задачи смягчения высказывания. Формы наклонения в этом случае относятся преимущественно к 1-му или 2-му лицу. Конструкции 1-го лица, как правило, сообщают о некотором коммуникативном действии говорящего, и именно такие конструкции исследователи склонны относить к желательным (с. 39—41). Однако, по мнению Н. Р. Добрушиной, выражение желания не является мотивирующим для использования сослагательного наклонения в таких контекстах, хотя может иметь место. Важную роль в этом типе употреблений играет лексическая семантика глаголов: так, глаголы со значением категорического побуждения или других коммуникативных действий, предполагающих решительное поведение (например, глаголы *требовать* и *объявить*), не употребляются в сослагательном наклонении с реальным значением. Преимущественно диалогическое употребление, по данным Н. Р. Добрушиной, имеют восемь глагольных лексем: *сказать*, *хотеть*, *мочь*, *назвать*, *посоветовать*, *предпочесть*, *ответить*, *предложить*, тогда как глаголы *взять*, *пойти* используются в контрфактивных контекстах; многие глаголы могут иметь как диалогические реальные, так и повествовательные употребления, ср. приводимые примеры: (71) *А если серьезно, то на этот вопрос я бы ответил так: не играть трудно, но играть нельзя* [«Театральная жизнь», 2003.05.26] и (72) *Уж лучше бы она спросила: «Ты гений?» Я бы ответил спокойно и положительно* [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)] (с. 42—43). В довольно редких конструкциях 2-го лица диалогическое сослагательное наклонение

обычно используется в вопросах, причем отмечаются те же глаголы со значением различных коммуникативных действий, что и в конструкциях с 1-м лицом (с. 43).

Особое место в проблематике сослагательного наклонения отводится модальным глаголам *мочь*, *хотеть* и *хотеться*, которым посвящены отдельные разделы монографии (с. 44—53). Глагол *мочь* интересен тем, что он имеет семантику нереализованности, потенциальности и его индикатив в большинстве контекстов синонимичен сослагательному наклонению. Что касается глаголов *хотеть* и *хотеться*, то они заслуживают внимания в силу высокой частотности в сочетаниях с частицей *бы*, выступая в сослагательном наклонении более чем в 10% случаев использования, ср. глагол *быть* — в 1,7% случаев, *мочь* — в 4%, *знать* — в 0,4% и т. д. (с. 47). Подробный анализ конкретных употреблений разных форм глаголов *хотеть*, *хотеться* в сочетании с глаголами представляет широкую палитру реализуемых в конструкциях значений (с. 47—53). Сравнение различных по частотности контекстов диалогического сослагательного наклонения и индикатива глагола *хотеть* демонстрирует их семантическую близость.

Надо сказать, что важность категории модальности в исследовании сослагательного наклонения демонстрирует и рассмотрение модальных слов в отдельной главе «Слова с модальным значением и сослагательное наклонение» (с. 144—159). Анализ употреблений конструкций с модальными словами *должен*, *надо* и др. показывает ту же способность нейтрализации значения сослагательного наклонения (с. 158), проявляющуюся в разной степени: «синонимия индикатива и сослагательного наклонения больше характерна для модальных слов со значением высокой вероятности и необходимости (*должен*, *надо*), чем для модальных слов со значением невысокой вероятности и возможности (*мочь*, *можно*, *вряд ли*)» (с. 159).

Обобщая наблюдения над особенностями диалогических реальных и диалогических желательных употреблений, Н. Р. Добрушина устанавливает сходство реального диалогического сослагательного наклонения с индикативом по ряду свойств (сочетание с индикативным протазисом, способность сочиняться с индикативом), что позволяет ему выступать синонимично индикативу, в то время как диалогические желательные употребления индикативу не синонимичны: сослагательное наклонение в таких употреблениях может заменяться не на индикатив, а на императив, чаще же на перифрастические конструкции *хочу*, *чтобы...*, *надо*, *чтобы...* (с. 56—57).

Рассматривая традиции выделения желательного значения в русской грамматике со времен А. А. Шахматова, Н. Р. Добрушина приходит к выводу о неправомерности разговора о самостоятельном желательном наклонении в силу отсутствия специализированной на этом значении морфологической или аналитической формы. Данное значение выражается конструкциями частицы *бы* (*б*) с инфинитивами, предикативами и существительными без финитного глагола, и обсуждать вопрос о желательном наклонении возможно лишь применительно к ним, тогда как конструкции с прошедшим временем могут интерпретироваться как желательные только в том случае, если это обеспечивается тремя свойствами контекста (действующими, однако, не как жесткое требование): порядком слов, наличием референции к настоящему времени, отсутствием в предложении упоминаний условия (с. 59). Типологические данные приводят автора к выводу, что причиной отсутствия упоминания об условии в желательных конструкциях является их происхождение из условных клауз.

Заключая раздел о независимых употреблениях сослагательного наклонения с прошедшим временем (с. 73—75), Н. Р. Добрушина отмечает, что диалогические реальные и диалогические желательные употребления сослагательного наклонения имеют общие черты, отличающие их от повествовательных (в частности, неприменимость к ним понятия истинности / ложности, отсутствие указаний на условие употребление 1-го и 2-го лица, референция к настоящему или будущему), а также перечисляет различия между диалогическими реальными и желательными употреблениями, заключающиеся в круге глаголов, синонимических возможностях и т. д.

Последовательному рассмотрению употреблений независимых конструкций с частицей *бы* (*б*) и инфинитивом, предикативами или существительными, объединенных тем, что

«все они к концу XX века приобрели общий компонент значения — желательность или необходимость» (с. 76), посвящен следующий раздел второй части монографии (с. 76—139).

Инфинитив в сочетании с частицей сослагательного наклонения встречается гораздо реже, чем прошедшее время, выступая как в независимых, так и в зависимых конструкциях. Анализ двух выборок примеров (1970—1990 гг.), включающих конструкции с частицей в контактном положении к инфинитиву, но исключающих такие, где инфинитив использован в конструкции с предикативом, показал высокую частотность употребления инфинитива в независимом предложении — около 80 % от всех примеров. Отдельные группы образуют употребления в составе вопросительного предложения (3 %), в составе условной клаузы (4 % от общего числа примеров, включая бессоюзные предложения), а также в придаточных предикациях. Семантика инфинитивно-сослагательных независимых конструкций принципиально не отличается от других типов употреблений сослагательного наклонения: они выражают ирреальность (обычно гипотетического, реже — контрфактивного типа), однако, в отличие от независимых конструкций с прошедшим временем, в большинстве употреблений инфинитивно-сослагательные конструкции, помимо ирреальности, имеют дополнительные модальные оттенки необходимости или желания (значительно более редкий контрфактивный безоценочный инфинитив иллюстрируется примером: (220) *Еще миг, и лежать бы ей на земле, но Нина успела прижать ее локотками* [Руслан Киреев. Год лебедей. Библиотека «Огонек», 1989], с. 80). Определенные семантические оценочные эффекты создаются факторами контекста: частицами и лицом дативного субъекта конструкции (с. 81—89). В свою очередь, контрфактивные безоценочные инфинитивные конструкции, обозначающие заведомо нереализованную ситуацию, отличаются порядком слов — обычно следованием «инфинитив + частица» (что не является специфическим фактором), а также указанием на контрфактивное условие, позволяющим рассматривать высказывание как условную конструкцию, где инфинитив обозначает следствие (с. 90—91). В условных конструкциях сослагательный инфинитив менее типичен, чем прошедшее время (с. 97). Для них характерна возможность отсутствия союза *если*, особый порядок следования частей, место инфинитива и семантика (желательности) инфинитивного протазиса (с. 98—104), что сближает сослагательный инфинитив с императивом в условных конструкциях.

Рассматриваемые в следующем разделе (с. 111—122) второй части не содержащие нулевой связки конструкции с предикативами относятся к наименее исследованным в русской грамматике. Предикативы в работе понимаются расширительно: к ним причисляются наречия, прилагательные и компаративы, «основной функцией которых является использование в позиции сказуемого» (с. 111; список предикативов см. на с. 113—114). Анализ разных групп конструкций (со связкой и без, в условных конструкциях и других подчиненных предикациях), семантики отдельных форм и лексем позволяет Н. Р. Добрушиной сделать существенные выводы о семантике, выражаемой конструкциями с предикативами. Так, бессвязочные конструкции характеризуются наличием положительной оценки и обозначают только гипотетические ситуации, реализация которых связана с будущим, а также всегда выражают желание или необходимость, тогда как значение связочных конструкций зависит от семантики предикатива (с. 117): например, употребления в связочных конструкциях предикатива со встроенной негативной семантикой (*стыдно, нельзя* и т. п.) имеют значение необходимости (с. 115—116) и т. д.

Конструкциям с существительными и другими неглагольными единицами с частицей *бы* (*б*) (*Ему бы воды / Ему бы к тебе / Ему бы домой / Сюда бы двоих*) в русской традиции уделялось мало внимания. Н. Р. Добрушина в первую очередь отмечает общее для них значение желания или необходимости (с. 122—143). Эти конструкции, как правило, представляют собой результат эллипсиса инфинитива, что подтверждается легкостью восстановления глагола, безличностью, дативностью субъекта, невозможностью именительного падежа существительного. Отмечается, однако, тип конструкций (чаще всего отрицательных), в которых глагол не восстанавливается, например: *Лишь бы не лагерь!* (с. 125),

и которые, следовательно, не являются эллиптическими. Конструкции с существительными в подчиненных предикациях в целом отсутствуют, хотя возможны в дополнительных придаточных предложениях, не требующих обязательного употребления сослагательного наклонения, а также в составе протазиса условных конструкций, ср. приводимый пример: (405) *Если бы не война, окончил бы уже восемь* [Василь Быков. Болото (2001)] (с. 127).

Отличительной особенностью исследования Н. Р. Добрушиной является регулярное сопоставление выявленных качеств разных типов конструкций, позволяющее обобщенно представить семантические и формальные особенности каждого типа. Так, сравнивая инфинитивные конструкции с конструкциями с прошедшим временем, автор отмечает следующие различия между ними: в первых субъект желания чаще всего совпадает с главным участником ситуации, во вторых это происходит редко; инфинитив не используется для выражения побуждения ко 2-му лицу, как это происходит с прошедшим временем (с. 85 и далее). При сопоставлении безглагольных конструкций с инфинитивами, предикативами и существительными отмечаются такие различия между ними, как периферийность конструкций с предикативами без финитного глагола, обусловленная лексическими ограничениями, и отсутствие таковых в инфинитивных конструкциях, а также преимущественность бессвязочного употребления конструкций с предикативами, при обычной невозможности связки (за исключением единичных случаев) в инфинитивных конструкциях и т. д. (с. 127—138).

Задачей третьей части исследования (с. 161—391), посвященной сослагательному наклонению в подчиненных конструкциях, является «обзор всех придаточных предложений с таким элементом *бы* (*б*), который можно заподозрить в близости к сослагательному наклонению, обсуждение причин, по которым эти придаточные маркируются с помощью *бы* (*б*), и в итоге обсуждение того, какой грамматический статус должен быть приписан предикатам этих придаточных» (с. 161). В соответствии с поставленной задачей рассматриваются все типы придаточных предложений. Их обзор предваряет обсуждение формальных критериев отбора материала исследования (с. 163—173), поскольку «не все придаточные, в которых встречается частица *бы*, могут претендовать на то, что они содержат форму сослагательного наклонения» (с. 163). На основе формальных критериев (дистрибуция форм, возможность ее повторения, опущения, а также дистантность) из дальнейшего анализа исключаются конструкции со сравнительными союзами *будто бы*, *как будто бы* и *словно бы*, не содержащими показателя сослагательного наклонения (с. 169; см. также табл. 30 на с. 176). Рассмотрение функционирования сослагательного наклонения в составе придаточных предложений начинается с условных конструкций (с. 177—211), далее анализируются условно-уступительные (с. 214—235), относительные (с. 236—263) и др. В каждом типе придаточных предложений определяется специфика семантики конструкций, которая может быть связана как с типом предложения, так и с конкретными составляющими элементами — модальными словами, наречиями определенной семантики, специфичными предикатами, эллипсисом, позицией частицы *бы* и т. д. (с. 177—371). Завершая анализ подчиненных конструкций обзором конструкций сослагательного наклонения (с прошедшим временем, инфинитивом, предикативом без связки) в придаточных предложениях разного типа (табл. 61, с. 372), Н. Р. Добрушина отмечает, что за вычетом отдельных исключений «прошедшее время и инфинитив могут быть использованы во всех типах придаточных, в то время как предикатив допустим в подчиненных конструкциях почти только при семантическом употреблении сослагательного наклонения. Исключения составляют условные придаточные, в которых встречаются некоторые предикативы» (стр. 371—372).

Обобщая наблюдения над семантикой форм сослагательного наклонения в подчиненных клаузах разного типа (с. 373—378), Н. Р. Добрушина делает существенные замечания о синтаксическом и семантическом употреблении сослагательного наклонения в придаточных предложениях, указывая, что при семантическом употреблении сослагательного наклонения в подчиненных предикациях встречаются все три типа значений, отмеченных для независимых предикаций (контрфактивное, желательное, реальное диалогическое). Употребление сослагательного наклонения в синтаксических контекстах отличается по своему

значению от семантических контекстов (с. 373). Особенности синтаксического употребления сослагательного наклонения являются неопределенность статуса подчиненной ситуации по шкале реальности / ирреальности, отсутствие эпистемических маркеров, невозможность диалогических контекстов сослагательного наклонения и др. (с. 374—377). Синтаксические и семантические употребления сослагательного наклонения в подчиненных конструкциях в некоторой мере определяют положение частицы *бы* в конструкции. Его детальный анализ в придаточных разного типа с семантическим и синтаксическим употреблением (с. 379—389) позволяет автору сделать вывод: «Если придаточное предложение с сослагательным наклонением вводится союзом, а сослагательное наклонение употреблено синтаксически, то частица *бы* обычно находится после союза. Если же придаточное с союзом имеет семантическое сослагательное наклонение, то частица находится на дистанции от союза. При этом для условных придаточных это правило действует менее жестко: позиция не после союза *если* встречается редко, но допустима» (с. 388).

Исследование завершается заключением (с. 393—397), в котором подводятся основные итоги работы и определяется дальнейшее направление научного поиска: «следующим этапом исследования должно стать сопоставление результатов, полученных на материале русского языка, со столь же детальными описаниями других языков» (с. 397), с целью установления типичных контекстов употребления сослагательного наклонения в языках мира.

Выполненное на огромном, тщательно проанализированном фактическом материале исследование семантики сослагательного наклонения в современном русском языке, опирающееся на обширную теоретическую базу, связанную как с русской грамматической традицией, так и с типологическими исследованиями и актуальными направлениями в лингвистике (см. библиографию на с. 391—413), дает комплексное представление о категории, уточняет многие представления о русском сослагательном наклонении, значении его форм, их частотности, различиях в употреблении разного рода конструкций в разных контекстах, специфике лексического наполнения конструкций в частных случаях его использования, накладываемых ограничениях и т. п., а в ряде случаев опровергает устоявшиеся мнения, базирующиеся на ограниченном количестве примеров и не учитывающие множественность факторов, влияющих на употребление сослагательного наклонения.

Детальное описание значения разных типов конструкций с формами сослагательного наклонения и внимание к изменениям в семантике отдельных типов обеспечивает, помимо возможности включения полученных сведений в широкий контекст типологического изучения сослагательного наклонения, их значимость и для диахронических исследований русского языка. Представляющее собой своего рода энциклопедию по русскому сослагательному наклонению исследование Н. Р. Добрушиной станет неоценимым источником сведений для всех, кто занимается проблематикой сослагательного наклонения как в русском языке, так и в языках мира.